

Дмитрий Гаврилов

АМНЕЗИЯ

Сборник рассказов

Дмитрий Гаврилов

Амнезия. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Гаврилов Д. В.

Амнезия. Сборник рассказов / Д. В. Гаврилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934982-8

Человеческая сущность многогранна. А вы знаете, кто на самом деле ваш друг, сосед или коллега? Возможно, вы об этом даже не догадываетесь...

ISBN 978-5-44-934982-8

© Гаврилов Д. В.
© Издательские решения

Содержание

АМНЕЗИЯ	6
КОМАНДИРОВКА	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Амнезия

Сборник рассказов

Дмитрий Гаврилов

© Дмитрий Гаврилов, 2018

ISBN 978-5-4493-4982-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АМНЕЗИЯ

В ночь на третье января ровно в половине пятого пронизанную глубочайшей скорбью тишь квартиры номер пятнадцать по улице Коминтерна города Лопушанска оборвала настойчивая трель телефона. Вырванная из наконец достигнутой обилием принятого снотворного полудрёмы Полина Ермолаевна села в кровати и принялась шарить вокруг в поисках мобильного. Потом, с трудом сообразив, что верезжит стационарный аппарат, она зажгла на прикроватной тумбе лампу с бахромой, ёжась от проникавшего через приоткрытую форточку морозного воздуха, влезла в любимый махровый халат, сунула ступни в остывшие замшевые тапки с меховой оторочкой и прошлёпала на ватных ногах в тускло освещённый ночником коридор.

– Алло, – голос хозяйки был слаб и тревожен.

– Гражданка Кузьева? – барабанная перепонка левого уха встрепенулась от молоденького баритона.

– Она самая.

– Капитан Наседкин из второго отделения беспокоит, вы давеча к нам приходили... Простите, если нарушил ваш сон: я подумал, вам чем скорее узнать, тем лучше. Так вот, значит, нашли супруга вашего. По крайней мере, по приметам похож. На лавочке в парке сидел. Вроде, жив-здоров, слава богу. Только, говорит, не помнит ничего. Мы пока его в больничку определили. За мостом... Знаете? Утром сможете навестить. Спокойной ночи!

Слов благодарности полицейский дожидаться не стал и оперативно прервал связь. Женщина тем временем на радостях перекрестилась.

За два дня до Нового Года Святослав Ильич пробудился в приподнятом настроении: немногочисленному коллективу студии «Прекрасное мгновенье», где он с младых ногтей и огоньком фотографировал горожан на документы, предстоял вечерний поход в ресторан за счёт работодателя. Со стороны последнего это был, пожалуй, жест отчаяния, ибо подсканная за скромное вознаграждение заезжими маркетологами услуга «Портфолио на любой вкус» в силу слабой подкованности аборигенов в семантике так и осталась невостребованной, а поступления от традиционных услуг в местности, где смертность радикально превышала рождаемость, перестали поспевать за расходами.

Мужчина потянул затёкшие в ночи члены, зевнул во весь рот и в предвкушении бесплатного банкета нежно облобызал чело верной супруги Полины Ермолаевны.

– Ты чего так рано? – всполошилась жена.

– Почему рано? Нормально. Пока то да сё... Ты спи давай.

– Ага, – женщина благодарно отвернулась к стене и тотчас засопела.

Главе семейства Кузьевых в прошлом месяце исполнилось сорок лет, что по местным меркам считалось солидным: не старик ещё, конечно, но уже матёрый дядька со сформировавшимися ценностями и привычками.

Ценностей у Святослава Ильича имелось аж пять. Они достались ему в наследство от почивших родителей и включали апартаменты в бывшем доходном доме раскулаченного купца Фадея Петрищева, гараж за железной дорогой, трофейный фотоаппарат «Карл Цейс» в комплекте со сменным объективом для съёмки панорамных видов, коллекцию монет стран Совета экономической взаимопомощи и бронзовый бюстик Сталина руки известной в области скульпторши Ляли Бронштейн, расстрелянной в пятьдесят третьем почему-то по делу врачей-вредителей.

А вот укоренившихся привычек по ходу жизни странным образом завелась лишь жалкая пара: тужась и попыхивая сигаркой, вдумчиво листать в сортире «Парламентский Вестник» и,

осыпая законную супругу скабрзностями, шлёпать родимую по заднице ладошкой во время срамных утех.

Их с Полиной Ермолаевной женитьба была предрешена много раньше дня бракосочетания: он полюбил её сызмальства, дёргая за русые косички на переменах и поднося до дома набитый канцелярскими принадлежностями ранец. Она отвечала взаимностью, предоставляя для списывания домашние задания и отвергая ухаживания других.

Когда юноше пришло время отдать священный воинский долг, одержимая верностью девушка клятвенно пообещала ждать. А дарованной призывнику девственностью накануне его отбытия на сборный пункт подкрепила серьёзность своих намерений.

Свадьбу сыграли через месяц после дембеля с истинным для Лопушанска размахом. Довольная бабка Пелагея выклянчила-таки двадцать американских долларов на выкуп невесты, и более в тот вечер её никто не видел. Оседлый цыганский барон Артур Брильянтов привёз из табора ручного медведя и горластую свору исполнителей романсов. Всему ансамблю в самый разгар веселья нешуточно досталось от чемпиона города по боксу Василия Тимохина, лютого во хмелю и тихони по жизни. Причём левым хуком перепало даже косолапому. Ну а лучшая подруга невесты Томка Суворова, нисколючко не кобенясь, под занавес мероприятия отдалась в плохо освещённой подворотне вроде как женихову свидетелю, который, если б чуть внимательнее приглядеться, уже час как спал в смеси из оливье, холодца и кремовой начинки «Наполеона».

Десять месяцев опосля торжества чета Кузьевых произвела на свет близняшек Кирилла и Зосиму. В результате первый вырос счастливым и жизнерадостным, а второй при получении паспорта настоял на переименовании в Александра и, обретя заветное удостоверение личности, тотчас отбыл с вещами в неизвестном направлении. Искать его не стали, ибо перед отъездом Зосима весьма красноречиво об этом попросил.

– А, Тамар? – Кузьева заискивающе посмотрела на подругу.

– Да черт его знает?! – плечи под белым халатом приподнялись, демонстрируя явное недоумение.

– Ну ты ж врач!

– Ага! Педиатр!! Тут психиатр нужен!!!

– Так найди!

– Где ж я тебе в праздники психиатра найду? Тем более, что в нашей богадельне им отродясь не пахло. В районе есть. Но я его и не знаю толком. Так, киваем при встрече.

– Что ж делать?

– Набраться терпения, дорогая моя! Посмотрим, что через пару дней будет. Авось и прояснится память-то.

– А ты ему веришь? Думаешь, он взаправду... Ну... Того? – в очередной раз засомневалась Полина Ермолаевна.

– Всяко-разно не исключаю. Хотя такие казусы в медицине – не редкость. Случается, что уходит человек из дома и теряется. Потом объявляется через несколько лет на другом краю земли. Ни себя не помнит, ни родных. Мозг – штука малоизученная. Полагаешь, он картину гонит... Зачем? В чём корысть-то??

– Да кабы я ведала! Утром, когда сюда неслась будто оголтелая, думала, прибью эту сволочь! А потом на больничной койке увидела, лежит такой... Ну на вид – дурачок дурачком. И так мне его жалко стало, спасу нет! Подошла, обняла. Он мне: «Женщина, вы кто?». Я говорю: «Слав, хорош придуриваться!». «А я Слава, да?», – и ресничками хлопает...

Далее страдальца горько проревела отведённое приличиями время на подставленном Тамарой Суворовой плече и решительно истребовала содействия в скорейшей выписке и возвращению супруга домой, где, как доподлинно известно, и стены помогают.

– Я здесь живу? – взгляд вошедшего рассеяно заскользил по выдавшей виды прихожей.

– Не узнаёшь? – Полина Ермолаевна уже привычно всхлипнула, достала из рукава отреставрированной прошлым летом нутриевой шубы носовой платок и промокнула красные от слёз и почти недельного недосыпа глаза. – И меня совсем позабыл!.. Ну же, шевели мозгами!!

– Простите, не могли бы вы говорить на полтона тише, – робкая просьба мужчины неловко повисла в воздухе. – Очень голова болит.

– Я твоя законная супруга Поля... Полина, – забормотала Кузьяева. – А ты мой муж Слава... Святослав... Ну?!

– Это я уже понял из вашего эмоционального рассказа в клинике, – мужчина страдальчески наморщил лоб. – Но и вас, и это жилище я вижу впервые.

– Во, блин, загнул: «Жилище»! Слово-то какое противное!! Это твой отчий дом, между прочим!!! Родителей своих помнишь? Мама – Алевтина Егоровна. Папа – Илья Зосимович.

– Зосимович? – собеседник было оживился, но вновь впал в прострацию.

– Горе ты моё луковое! – женщина запустила пятерную во всклоченную шевелюру Святослава Ильича. – Снимай куртку, иди в ванную, мой руки.

– Это куда?

– Левая дверь всегда была... Господи, за что же мне такое наказание?! – отправила запрос Всевышнему Полина Ермолаевна и принялась истово молиться.

– Дорогие друзья! – начал вступительную речь владелец фотостудии Аркадий Агафонович Безродный и торжественно поднял фужер с бюджетным шампанским. Его, как и водку, он приобрёл со скидкой в сетевом супермаркете неподалёку, а администрация ресторана любезно закрыла глаза на принесённое с собой спиртное. – Надеюсь, вы позволите мне вас так называть?

– Да-да, конечно! – за столом одобрительно закивали.

– Спасибо. Право, я тронут! – руководитель сентиментально оглядел присутствующих и, не дав нахлынувшим чувствам вырваться наружу, продолжил. – Так вот, эта предновогодняя пора наполняет меня одновременно и горем, и радостью. Горем оттого, что наше ателье, увы, закрывается.

– Как? Почему?? Не может быть??? – наперебой заголосили сотрудники.

– Ещё как может, – бизнесмен глубоко вздохнул. – К моему глубочайшему сожалению, кризис докатился и до нас. Мы – в глубочайшем минусе, и это, как говорится, факт. Платить за аренду и вам за труды, отчислять в фонды и тэ-дэ больше нечем. Финита ля комедия!

– А радостью почему? – более не ожидая ничего путного, тем не менее поинтересовался Святослав Ильич.

– Радостью? Какой радостью?? – Аркадий Агафонович в недоумении покосился на уже почти бывшего подчинённого.

– Вы только что сказали, что эта пора наполняет вас и скорбью, и радостью? – пояснил фотограф.

– Ну как же... Потому что перед каждым из нас открываются новые горизонты! Мы пойдём по неизведанным тропам и, верю, преуспеем! Но поодиночке. А пока мы вместе за одним столом, давайте веселиться! – закончил на мажорной ноте директор и влил в себя шипучку.

Остальные не разделили оптимизма оратора. Молча и сухо выпили. Кое-кто даже поморщился.

– Э-э-х, хорошо пошло! – Безродный мигом уловил в присутствующих тоску-печаль и, предвидя неудобные вопросы, прибег, как ему казалось, к верной тактике. – А теперь, любезные мои, не подбросить ли нам в топку водочки?

– Водочка – это, конечно, прекрасный напиток. Я бы даже сказала – божественный, но как быть с зарплатой за декабрь? – обозначила проблему уборщица Олеся Адамовна Казакевич и, не дожидаясь остальных, махнула-таки рюмашку. Эта женщина хоть и знала толк в питии, по причине чего всё президентство Медведева проходила с торпедой под правой лопаткой, но определенно имела принципы и ценила денежные знаки выше банальной поллитровки. – И как вы собираетесь нас рассчитывать? С содержанием за два последующих месяца и отпускными? Или уклоняться планируете?

– А действительно! Как? – поддержала её бухгалтер-совместитель Пудовая Лидия Аристарховна и смачно откусила от большого красного яблока. – То-то вы от меня бегаετε, поручение в банк не подписываете...

– Что ж вы такие агрессивные-то, Господи! – Безродный картинно простёр к небесам руки, по пути чудесным образом успев и налить себе, и накатить до дна. – Разве я вас когда обманывал?

– Да! – смело предъявил обвинение Святослав Ильич и с общего блюда переложил себе в тарелку почти всё мясное ассорти. – В восемьдесят пятом вы не заплатили мне – простому советскому школьнику – обещанные за прополку вашего огорода три рубля.

– Так ты ж его так и не прополол!

– Как это не прополол? – дабы не поддаться пущему возмущению, Кузьяев тоже, но в успокоительных целях, откусывал беленькой и совершенно без аппетита закусил ломтиком ветчины под толстым слоем аджики.

– Да очень просто! – стоял на своём Аркадий Агафонович. – Да и вообще... Ничего такого в помине не было! Не надо тут всякие небылицы выдумывать. Тебя это не красит!

– Вот-те раз! – подивился Святослав Ильич наглости оппонента и остроте падающего в пищевод кавказского соуса. – Он мне бабок торчит со времён царя Ирода, а не красит это почему-то меня... Где логика?

– Да! Где? – мигом солидаризировалась с коллегой Лидия Аристарховна и потянулась за остатками спиртосодержащей жидкости.

– Э, финансы, секундочку! – Олеся Адамовна отлила очередные пятьдесят грамм, передала сослуживице обмелевший сосуд и, чеканя каждое слово, проинструктировала пробежавшего мимо юного официанта. – Ты, сынок, неси сразу литр, чтобы ноги не стереть: чай не казённые.

– Вы вроде как с собственным спиртным... Или я ошибаюсь? – халдей покосился на спонсора-распорядителя.

– Совершенно верно. У нас ещё целых две бутылки есть! – встревожился за свой кошелек Аркадий Агафонович. – Правда, чекушки, но... Не выливать же их потом!

– Что вы чушь несусветную несёте, товарищ директор? – встряла уборщица. – Выливать... Кто ж вам позволит?! Они в любом случае не пропадут. Просто всему своё время. Тащи, хлопчик, как велено. И пулей!

– А мне – коньячку, – облизнулся носитель детских обид. – Ноль-пять. Армянского. И харчо.

– Ну-у, погнали черти вороных! Может тебе ещё текилы с лобстером? – насупился Безродный. – Пойду я, пожалуй...

– Сидеть! – синхронно вырвалось у сотрапезников промеж чавканья.

Безродному никто не посмел бы дать семьдесят три. Максимум – шестьдесят. Мощным торсом вдовец не обладал, да и росточку был среднего. Однако благодаря многолетнему моржеванию он чувствовал себя достаточно сносно, чтобы по выходным и праздникам нарушать режим умеренными возлияниями и предаваться элегантному разврату в компании барышень

из общежития Ордена Трудового Красного Знамени ткацкой фабрики «Пролетарка» имени лётчика Коккинаки.

При большевиках Аркадий Агафонович прошёл тернистый путь от подкидыша, найденного повивальной бабкой Агафьей на крыльце своего флигеля, до успешного кооператора. На заре перестройки аморальный деляга под прикрытием невинной фотостудии наладил промышленный выпуск игральные карт с голыми девками и их дистрибуцию по чайханщикам Средней Азии, пастухам баранов Закавказья и рукастым вахтовикам Западной Сибири. Поставки в родной регион исключались категорически ввиду того, что моделями были, в основном, местные ткачихи, чьё инкогнито блюлось похлеще военной тайны.

Вскоро дело разрослось настолько, что его основателю для обслуживания добропорядочных граждан пришлось нанять ассистента в лице соседского подростка Славика Кузяева, а самому сосредоточиться исключительно на криминальной эротике. Юноша, естественно, был ни ухом ни рылом, чем на самом деле промышлял работодатель и с упоением отдался исполнению возложенных на него обязанностей, получая скромный фиксированный оклад, зато с тринадцатой зарплатой.

До поры до времени ничего не ведала о специализации Безродного и его жена Валентина Михайловна. Женщина страдала слабым иммунитетом, часто хворала, и волновать её пустяками сердобольный муж находил жестоким. Но это не убергло от беды. Однажды болезнь опрометчиво нагрязнула в творческую лабораторию художника в момент, когда тот объяснял очередной натурщице, как сесть, чтоб у мужиков слюни потекли. Так с отвисшей челюстью Валюшу и схоронили. А почувывший свободу Аркадий Агафонович пустился во все тяжкие, заведя за правило предвирать откровенные фотосессии дегустациями девичьих прелестей.

Затейник из Лопушанска безбедно просуществовал до появления всемирной паутины. Как только интернет простёр свои щупальца к самым отдалённым уголкам планеты, удовлетворение онанистов-землян стало в сущности делом плёвым. Аркадий Агафонович, конечно, героически боролся с прогрессом. Бывая в деловых поездках по ключевым рынкам сбыта, он снижал цены крупным оптовикам. Красочно описывая сладострастное томление при открытии новой колоды, разъяснял контрагентам преимущества старого доброго порно. И даже под покровом ночи нет-нет да и перерубал оптические кабели, но этим лишь откладывал неизбежный финал.

– Что значит «сидеть»? – обомлел бизнесмен.

– А то! – взял на себя роль профсоюзного лидера Кузяев. – Вопрос с оплатой надо прояснить сегодня. Прямо сейчас. Званным ужином, боюсь, не отделаетесь.

– Славочка! Девчонки!! – взмолился Безродный. – Денег нет, хоть режьте!!! Всё, что было в кассе, выгреб. На них и гуляем.

– Ну ты и козёл! – расвирепел Святослав Ильич. – Я тебе сейчас в харю двину!

– Извольте, – подоспевший как нельзя кстати официант с коньяком, водкой и харчо на подносе невольно разрядил обстановку. – Что-нибудь ещё желаете?

– Пока нет, – нашлась быстрее всех Олеся Адамовна и, облизнувшись на огненную воду, добавила. – Спасибо, милейший. Ступай. Мы покличем, если что.

В дальнейшем трапезничали миролюбиво. Даже Кузяев расслабился и позволил себе запанибратски похлопать по плечу барыгу-начальника, который, в свою очередь, и вовсе пару раз ущипнул под столом бухгалтершу за бедро, чем привёл последнюю в крайнюю степень ажитации чего-то удивительно романтического.

По прошествии нескольких незабываемых часов, вместивших изысканное горячее, ароматный кальян, душевное караоке и дождавшихся предначертанной участи резервных чекушек, запросили счёт. Бравурно оплатив оный, Аркадий Агафонович взял заключительное слово:

– Ну вот, пожалуй, и-и-к... И финал, драгоценные вы мои! – икая, резюмировал он патетически. – Как же я вам благодарен за понимание!! Люблю вас!!! И в знак моей любви имею честь доложить, что я, кажется, нашёл способ отплатить вам добром за ратный труд.

Слушатели подобострастно заулыбались.

– Так вот, – продолжил Безродный. – Начну с многоуважаемой Олеси Адамовны, ибо здесь всё очевидно. После сегодняшнего торжества у меня ещё остались в бумажнике семь тысяч триста рублей. Я возьму себе тысячу триста. Сами понимаете, надо дотянуть до пенсии. Остальные – с радостью передам вам. Всё, что могу... Вас персонально такой вариант устраивает?

– Если позволите прихватить с собой ещё парочку пивка для утренней реинкарнации, – расплылась в улыбке уборщица, – то скорее да, чем нет.

– По рукам! – провозгласил Аркадий Агафонович, отсчитал шесть купюр с видами Ярославля, потом демонстративно накинул сотенную поверх и протянул деньги страждущей. – Пива сами по дороге домой купите. И не благодарите, ибо вы, безусловно, заслуживаете большего.

Следом нетрезвый взгляд руководителя томно заскользил по выдающемуся бюсту бухгалтерши. Та в ответ импозантно приосанилась, а её пухлые, в алой помаде губки промурлыкали:

– Внимаю!

– Лидия Аристарховна, восхитительная вы моя, как же это я в вас раньше не разглядел такой бриллиант! – Безродный возжелал было потеревить гульфик, но осёкся и затараторил на выдохе. – Я давно и безнадежно одинок. А время уходит неумолимо, не оставляя даже прозрачных шансов на счастье. Вы та, в ком я искренне нуждаюсь, как только человек может нуждаться в сне, воде и пище! Проведите же со мной бок о бок остаток моих дней!! Умоляю!!!

– Это следует расценивать как предложение? – не поверила свалившемуся на неё откровению истосковавшаяся по ласке женщина. – В натуре?.. Тьфу, прошу прощения... Серьёзно?

– Как говаривал персонаж одного старого американского боевика: «Вы можете отнести моё слово в банк»! – потряс присутствующих кинематографической эрудицией Аркадий Агафонович и за каким-то лешим сложил большой и указательный пальцы левой руки в о'кей. – Помните?

– Нет...

– Не важно... Вы же согласны?

– Тысячу раз да!

И слёзы отчаянной радости залили румяные щёчки Лидии Аристарховны.

Новоиспечённая невеста происходила из рода столь же древнего и многострадального, как сам Лопушанск. Основанное в средние века любимым дальние и опасные путешествия румынским князем Эмилем Лопушаном на перекрёстке торговых путей из Гагаузии в Якутию, поселение мигром расцвело и стало зажиточным. Этим оно навлекло на себя бесконечные набеги искателей лёгкой наживы. Последние так разграбили город и его окрестности, что упадок ощущался здесь до самого последнего времени, пока по вертикали власти не спустили молодого хозяйственника с дипломом Лондонской школы муниципального управления. Первый год посланец федерального центра втихаря пускал скупые мужские слёзы и беспробудно пил. Второй – лечился у ведуньи от алкогольной зависимости и вёл дневник наблюдений. А на третий – стал мыслить позитивно, женился на местной ядрёной девке, после чего окончательно взял себя в руки и навёл ими почти образцовый порядок, чем восхитил электорат, признавший назначенца своим в доску. Ну да мы отвлеклись.

Однажды к одру князя Эмиля, умиравшего в страшных муках от пущенной коварным янычаром ядовитой стрелы, прискакал на лошади гонец. От кого он был, летописи не сохра-

нили. Известно только, что прошептал он слова заветные прямо в ухо Лопушану. Раненый воспрянул на непродолжительное время, которого хватило в самый раз, чтобы писарю указ продиктовать. Дескать, оставляет он править вместо себя пришлого гонца, звали которого... Не суть, как на самом деле. Важно, что народ дал ему прозвище «Ванька Пудовый» за большие кулаки и заgreбущие руки: вроде как целый пуд золота из казны стырил.

Пробыл на княженье назначенец хоть и недолго, но походя успел наделать шестнадцать наследников от различных горожанок. С течением веков его многочисленное потомство обростало жёнами, детьми, и к началу двадцать первого века каждый пятый житель Лопушанска носил фамилию Пудовый, а князь-основатель добрался до наших дней лишь в названии населённого пункта.

Знойной представительнице клана Пудовых Лидии Аристарховне стукнуло сорок восемь в день, когда она в третий раз овдовела. Два сына и дочь от разных браков давно проживали в столицах и редко баловали мать посещениями. Даже внуков на каникулы перестали привозить. Но не потому, что была она гадиной какой отпетой. Отнюдь: слыла заботливой, рачительной хозяйкой, прилично готовила сырники и бешбармак. Просто так сложилось. Некий период дама провела в поисках четвёртого спутника жизни, но толковый не подвернулся. То ли измелчал сильный пол, то ли в дурную молву поверил, будто она несчастье приносит и мужики от неё мрут аки мухи. Женщина почти смирилась с отсутствием перспектив на личном фронте, как вдруг подфартило: сам Безродный к ней посватался. Отсюда и волнение неподдельное.

– Ну теперь с тобой уладим, голубчик! – Аркадий Агафонович обратился к Святославу Ильичу. – Имеется деловое предложение...

– Мне желательнее наличными, – без энтузиазма вставил Кузьев.

– Это лучше, чем деньги. Есть у меня товар на реализацию. Отдам тебе весь и научу, как распорядиться. Приходи ко мне на квартиру завтра утром часиков так в одиннадцать, – тут оратора тихонечко пнула под столом Лидия Аристарховна. – А лучше – в двенадцать. Гарантирую – не пожалеешь!

– Ну-ну! Только попробуй обмани!! – бывший наёмный работник поднялся из-за стола. – Спасибо за угощение. Пора мне. Всем пока и с наступающим.

Мужчина лениво повязал шарф в гардеробе, водрузил на голову ушанку, напялил пальто и вышел на свежий воздух. Лопушанск явно демонстрировал готовность к новогодним торжествам: повсюду мерцали неоновые гирлянды, на центральной площади возвышалась пышная, с игрушками ёлка, снег сказочно отсвечивал в темноте и звонко хрустел под ногами. Святослав Ильич сделал отрезвляюще глубокий вдох ртом, выдул носом две параллельные струи пара и уверенно зашагал к Томке Суворовой, с которой втайне от второй половины встречался последние лет десять.

Лучшая подруга жены не видела в этом ничего предосудительного. Она полагала, что имеет полное право на бабье счастье, но рассматривала его иначе, нежели остальные. Бездетная по медицинским соображениям от природы, терапевт ни разу не восторгалась семейным бытом, но пользу для здоровья от интимных контактов не отрицала. При этом глобально опасалась венерических инфекций, так как в молодости заимела негативный опыт и могла быть относительно уверенной в муже Полины Ермолаевны, которая ни с кем и никогда на стороне ни-ни. И потом, этот индивид был приятен ей как любовник. Так зачем далеко искать, если всё, что нужно, наличествует практически под боком.

Как-то укатила Полюшка в командировку по обмену опытом. Тут Томка и подсуетилась: пригласила Славика передвинуть мебельную стенку. Никакого подвоха Кузьев не учуял, ибо до этого не раз ей помогал. Переместил он, значит, шкафы, да и отужинал с медовым десертом, от которого невозможно было отказаться.

Встречались прелюбодеи нечасто, когда уж совсем приспичит и при наличии железного алиби, дабы не вызывать подозрений. Как правило, Святослав Ильич прибегал к варианту с ночной рыбалкой: в зависимости от сезона демонстративно готовил наживку, экипировался под стать, брал из дома снасти, целовал супругу с языком, чтобы не заподозрила чего, и отваливал. Выходя из подъезда, всегда трогательно оглядывался на окно и махал на прощание ручкой, а далее к живущей в частном секторе на отшибе врачихе пробирался огородами, через задний двор и, желательно, под покровом темноты. Утром же засветло возвращался домой как ни в чём не бывало с уловом, заблаговременно закупленным у удильщиков окружных деревень предусмотрительной любовницей.

В этот раз даже выдумывать ничего не потребовалось. Полина Ермолаевна, будучи в курсе намечавшейся попойки, отправилась с новогодними подарками и ночёвкой к своей мамаше, жившей в другом микрорайоне. Не опасался Кузьев и неожиданной встречи с сыновьями, ибо Кирюше оставалось целых полгода в армии, а про Зосиму вы знаете.

– Представляешь, нашу богадельню прикрывают. Аркаша сказал, бабки кончились, – пожаловался Святослав Ильич Тамаре с порога вместо приветствия, даже не отдышавшись.

– Подумаешь! Было бы о чём горевать. Не работа, а так – недоразумение одно, – попыталась успокоить вошедшего порхавшая в пеньюаре и чулках обольстительная хозяйка дома и жадно впиалась ему в губы. – Мне страсть как не терпится!

Гостю помогли разоблачиться, избавили от исподнего и даже потёрли в душе спинку. Тот женские старания оценил, на время забыл о проблемах и под дымящиеся благовония дал стране угля.

Потом повалились часок, и мужчина вдруг засобирился.

– Куда это ты намылился, свинья неблагодарная? – заворчала Томка. – Мне ещё хочется минимум разок.

– Нет настроения! – отрезал Кузьев. – Думы в голову так и прут: а что, если кинет? Вдруг нет у него никакого товара?? Мне тогда по миру идти???

– И что?

– Да ничего! Навещу мироеда прямо сейчас. Возьму его тёпленьким...

Безродный всегда спал без задних ног и через две закрытых наглухо двери не слышал бы звонка, не ткни его в бок проснувшаяся в обнажённом естестве Лидия Аристарховна.

– Аркадий Агафонович! Кто-то пришёл. Слышите? – всё ещё по привычке блюдя дистанцию на вербальном уровне, но уничтожив её этой волшебной ночью до основания на уровне органолептическом, бухгалтерша навалилась роскошной левой грудью пятого размера на бывшего начальника.

– Лидия Аристарховна, любезная, спите! Кто будет шляться в столь ранний час? – сквозь сон пробурчал старик и сей же миг снова впал в анабиоз.

– Да очнитесь вы! Там уже стучать начали!! Вдруг пожар!!!

Безродный, зевая, отлепился от жаркого тела Пудовой, упаковал чресла в семейные трусы с аппликацией заходящих на посадку аистов, пощупал ошетилившиеся щёки и побрёл открывать.

Звонки и стуки при этом становились всё настойчивее и бесцеремоннее.

– Иду, иду же! Кого там черти принесли? – бывший держатель фотостудии прильнул к глазку и смачно выругался на языке Шекспира. – Кузьев, маза фака, тебе чего?

– Отоприте, Аркадий Агафонович, разговор есть! – в голосе Святослава Ильича звучала воронёная сталь, поэтому бывший детдомовец, впитавший эти интонации с молоком из бутылочки с инвентарным номером шестьсот шестьдесят шесть, возразить не посмел.

Лязгнули засовы четырёх импортных замков, и тот, кто по определению хуже татарина, нахально переступил порог квартиры.

– Ты совсем офонарел? В курсе, который час? – хозяином дома явно овладело недовольство.

– Без пятнадцати пять, – сверился со старенькой «Ракетой» ночной визитёр, – но дело категорически не терпит отлагательств!

– Проходи на кухню. Я сейчас. Только штаны с рубахой накину.

Безродный вернулся в спальню, шёпотом повелел Лидии Аристарховне лежать тихо, нацепил трико с пузырящимися коленками, майку-алкоголичку, закинул в рот пластинку жевательной резинки и взбодрённый устойчивым мятным вкусом решительно предстал пред Кузьяевы очи.

– Ну? – Аркадию Агафоновичу было явно не до сантиментов.

– Я бы для начала кофе выпил, – Святослав Ильич старался говорить нарочито нагло.

– Говна на лопате! – отказал Безродный, свирепея, и уселся на подоконник. – Дело говори и ступай с богом!

– Ладно. Обойдусь. О каком товаре речь?

– Чего это тебе так засвербело?

– Значит надо! – вцепился бульдожьей хваткой в бывшего директора Кузьяев.

– Чёрт с тобой. Всё равно сон прогнал, – Безродный нехотя протянул руку, выдвинул один из ящичков антикварного дубового серванта и извлёк перетянутую резинкой замусоленную колоду игральных карт. – Держи.

– Зачем? – Святослав Ильич удивлённо уставился на подношение.

– Это и есть товар.

– Старая колода?

– Да ты послушай сначала, олух! – воззвал к вниманию оппонента Аркадий Агафонович. – Это карты не простые, а золотые!

– В каком смысле?

– Ты колоду-то получше рассмотри! Видишь, девки голые?

– Вижу. И что?

– А то, что у меня таких, новых, упакованных – хоть жопой ешь! Дачу мою, где ты, якобы, огород полон, помнишь?

– Я полон!

– Пусть полон! Не в этом дело. Так вот. Там у меня склад. Коробок десять, минимум. В каждой – по пятьсот колод. Если хотя бы рублей по тридцать за штуку толкнуть, сколько всего получится?

– Э-э, – мозг не спавшего почти сутки и изрядно употребившего накануне фотографа судорожно пытался высчитать итог, – сколько?

– Сто пятьдесят тысяч! А если с умом подойти, то и по сотне можно выручить. Клондайк! Ну как, доволен?

– А кому ж я их сбегрю-то? – озадачил Святослав Ильич больше себя, нежели собеседника.

– Езжай на юг, – с видом доки ответственвал Безродный. – Там оптом скинешь цыганам. Или чуркам. Эти – сто процентов позарятся. Пару телефончиков я тебе чиркну. Здесь только промышлять не смей. Сам запалишься и девок погубишь: они почти все – местные.

– Местные? – заинтересовался Кузьяев и стал пристально всматриваться в лица и иные прелести. – А сам чего ж не продашь? Иль уже нахапал столько, что запахло?

– Стар я стал, Славик! – угрюмо покачал головой Аркадий Агафонович. – Нету сил. Ни моральных. Ни, мать их, физических. Ну как, убедил?

В принципе, можно.., – тут будущий коммивояжёр притормозил, так как бубновая дама показала ему до боли знакомой. – Не может быть!

– Ха! Зазноба твоя бывшая? – рассмеялся Безродный. – Ну и как? Хорошо получилась?

Святослав Ильич остолбенел: ему разнузданно подмигивала правым глазом нагая Полина Ермолаевна, только в молодости.

– Это как?.. Это кто?.. Это когда?.. – хватая воздух, смог, наконец, вымолвить Кузьев.

– Да кого ты там нашёл? – хозяин подошёл к гостю сзади и склонился над плечом, чтобы лучше рассмотреть изображение. – А это... Это старье. Лет двадцать тому назад снимал. Может больше. А что?

– А то, что это жена моя!

– Ой...

Договорить Аркадию Агафоновичу не позволили оказавшиеся на редкость сильными руки Святослава Ильича. Мгновенно вскочив, бывший подчинённый намертво сомкнул их вокруг шеи недавнего начальника, повалил того на пол и удерживал, несмотря на активное сопротивление, до полнейшей асфиксии. Затем поднялся, схватил выроненную в пылу борьбы карту с голой Полиной и в отчаянии выбежал вон.

Лидия Аристарховна, не предавшая возне на кухне значения, насторожилась только тогда, когда прождала не меньше десяти минут с момента, как захлопнулась входная дверь, а жених в спальне так и не появился. Фея нехотя выбралась из нагретой кровати, обмоталась одеялом, на цыпочках прокралась в неосвещённый коридор, откуда и увидела последствия разыгравшейся трагедии. К собственному её удивлению женщина совсем не испугалась, даже не заорала, а лишь вслух подивилась справедливости распускаемых о ней в городе слухов:

– Ну точно: я – чёрная вдова. Причём здесь даже брак оформить не успела! Ну не скотство ли, блин?

Суворова никак не ожидала Кузьева тем же утром, а по сему не на шутку взволновалась, когда тот условным сигналом постучал в окошко:

– Стряслось что?

– Ой беда! – тяжело опустился на лавку в сенях любовник. – Я Аркашу замочил!

– В смысле?

– В прямом! Задушил!! Насмерть!!!

– Ничего себе новогодний подарочек...

Проанализировав сбивчивый, полный междометий и ненормативной лексики рассказ Святослава Ильича, Тома уточнила, уверен ли убийца насчёт отсутствия свидетелей и камер на подъезде дома жертвы. Ответ последовал хоть робкий, но утвердительный.

– Значит так, – по-менторски огласила она своё решение. – На всякий случай вынь сейчас же из мобильного батарейку и симку. Не знаю, зачем, но так делают: я в кино видела. Давай мне – выброшу, где не найдут. Карту с Полиной в печке сожжём. Ну надо ж, Полиночка твоя! Вот целка-невидимка!! Кто бы мог подумать!!! Ой, извини, милый, извини... Короче, ты остаёшься у меня. Только сиди тише воды, ниже травы. И жене ни в коем случае не звони. Вот тебе медицинский справочник. Изучи досконально главу про амнезию. Будем её симулировать. Дескать, ничего не помню, даже имени, и ничего не знаю. Понятно? Как станет пора, я тебя выпущу. А пока в городе тихонько разузнаю, что к чему. И меня слушайся. Тогда не пропадёшь!

– Дай, что ли, водки...

– Фиг тебе! Градус в такой ситуации только навредит. Ты обязан мыслить трезво. Поэтому, я – в душ. А ты свари пока кофейку и бутербродов нарежь. Позавтракаем, и побегу. Мне сегодня ещё до обеда людей лечить.

Пудовая перешагнула через Безродного, взяла из сушилки чашку, налила из чайника воды, выпила. Потом, приговаривая «чур меня, чур», поплевала через левое плечо, оделась быстрее, чем горит спичка ротного, и начала методичный шмон квартиры несостоявшегося

мужа. Она логично предположила, что у покойника наверняка записка имеется. Так не пропадать же добру. На неё всё равно никто не подумает. А тот, кто убил, тот и ограбил! Поди потом докажи обратное. Вот пусть и ищут. И не факт, что найдут. Уж она-то точно Кузьева не сдаст: не в её интересах.

В перчатках, словно профессиональный домушник, весь последующий день и вечер исследовала Лидия Аристарховна содержимое шкафов, комодов и антресолей. Но так ничего и не отыскала, хоть и не имела по времени никаких ограничений. Разделавшись с последним шифоньером в прихожей, вскрывать полы из-за шумности процедуры она не решилась и, посетовав на напрасно потраченное время, покинула негостеприимное жилище уже после боя курантов.

Олесею Адамовну Казакевич на самом деле звали Ольга Евгеньевна Котова. Когда-то она служила в милиции и в среде работавших под прикрытием коллег слыла гуру мимикрии и кладезью характеров. Её послушной список буквально изобиловал успешными внедрениями в быстрорастущие преступные сообщества периода позднего Горби.

Летом девяносто первого в центральном аппарате Министерства внутренних дел созрела озабоченность наводнившим страну потоком порнографической продукции из Лопушанска, куда с заданием втереться в ближний круг главного подозреваемого Аркадия Безродного откомандировали старшего лейтенанта Котову. Прибыв на место, фигуристая красотка двадцати семи лет от роду согласно базировавшейся на оперативных данных легенде и с паспортом на имя Олеси Казакевич из Гомеля устроилась ткачихой на местную фабрику. Не заметить природных достоинств новенькой было просто невозможно, и вскорости к ней с предложением подзаработать подвалила ударница коммунистического труда и делегат съезда партии Клавдия Петровна Пилюгина. Изобразив падкую на лёгкие деньги простушку, белорусская дивчина возликовала и согласилась.

В пятницу после работы Пилюгина привела Казакевич на дачу Безродного и, получив причитавшиеся комиссионные, чинно удалилась в закат. Девушка осталась наедине с творцом, и явленную миру прелестную эротическую фотосессию оказался не состоянии опозлать даже четвертак в качестве выплаченного модели гонорара. Домогаться сразу после дебюта Аркадий Агафонович не полез, однако прозрачно намекнул на возможность срубить куш посолоннее. На что Олеся мило потупила взор и в интересах службы согласилась прийти ровно через неделю.

Вечером того же дня по каналам секретной связи в «Центр» ушло зашифрованное донесение, в соответствии с которым предлагалось взять порнографа с поличным во время следующего сеанса, да ещё и присовокупить попытку изнасилования, ибо сдаваться без боя самоотверженная сотрудница не собиралась.

А в понедельник случился путч. Через пару дней, когда сторонники победившего Ельцина крушили памятник Дзержинскому, переполошились не только на Лубянке, но и в МВД, и принялись активно уничтожать носители секретных сведений. В числе прочих в огне сгорели все оперативные материалы по Лопушанску, Безродному и Котовой-Казакевич. Таким образом в назначенный час никакой группы захвата не прибыло, и Аркадий Агафонович не только пофотографировал вдоволь, но и власть удовлетворил похоть.

Презрев обиды, но не пренебрегая конспирацией, храбрая милиционерша обратилась в Москву по резервной линии. Тут-то и выяснилось, что прежнего руководства уже в помине нет, а новое – понятия не имеет, кто она такая, и попросило впредь по пустякам не беспокоить.

Одержимая тяжкими думами, промаялась преданная сослуживцами старший лейтенант несколько месяцев, пока Союз не развалился и цены не отпустили. И поскольку на её плечах висело бремя финансовых забот о престарелых родителях, едва сводивших концы с кон-

цами в глуши карельских лесов, она взвесила все «за» и «против» и приняла решение остаться в образе Казакевич насовсем.

Пока тело было в форме, Олеся Адамовна зарабатывала хорошо. Но пагубная страсть к бутылке, возникшая на почве душевных терзаний, не позволила долго пребывать на вершине модельного рейтинга и ходить в секс-фаворитках Аркадия Агафоновича. Последний, надо отдать ему должное, не бросил деградирующую женщину на произвол судьбы. Он продолжал оплачивать съёмную квартиру и временами подкидывал деньжат на нехитрый быт. А после того, как передовика Пилюгину насмерть затащило в ткацкий станок, Казакевич получила доходное место вербовщика. Потом, когда масштабы распада личности стали угрожать бизнесу, законченную алкоголичку разжаловали в уборщицы. На этой должности Олеся Адамовна допилась до чёртиков и даже чуть не выпала из окна: подоспевший Безродный чудом поймал её за ногу, втащил обратно и немедленно отправил в наркологическую клинику.

Выйдя из больницы «зашитой», Олеся Адамовна не употребляла несколько лет. Потом поклялась себе, что бухать возобновит, но культурно, без белых горячек и суицидальных поползновений. И данное слово сдержала, не считая совсем уж лёгких недоразумений вроде редких опозданий на работу по причине похмелья.

Однушка, что арендовал Безродный для Казакевич, располагалась в девятиэтажке напротив его дома, практически окна в окна. Так как телевизор Олеся Адамовна давно пропила, вечерами она усаживалась у подоконника, открывала пакетик фисташек и под пивко следила через полевой бинокль за личной жизнью Аркадия Агафоновича. Женщина знала о нём всё: с кем спит, что ест и даже где прячет накопленный капитал. Не остались незамеченными ни лобзанья с Лидией Аристарховной, ни смертельная схватка с Кузьевым, ни последовавший неудачный поиск сокровищ.

Стоило бухгалтерше признать тщетность своих потуг и удалиться восвояси, просчитавшая умом бывшего оперативника ситуацию на десяток шагов вперёд Олеся Адамовна накинула ватник, валенки, достала из кладовки походный рюкзак, положила в него пакет с паспортами и двинула к жертве. Отперев захлопнутую на защёлку дверь ключом, что для полива цветов давно выдал ей часто путешествовавший хозяин, она сию же секунду смело залезла во вмонтированный в стену справа от трубки домофона приборный щиток и активировала нужный автомат. Послышалось чуть уловимое шуршание, и из боковины зеркала стоявшего рядом трюмо выехал полный долларов, евро и рублей потайной ящик. Казакевич выгрэбла всё без остатка, покидала в рюкзак, лёгким нажатием вернула тайник на прежнее место, вырубил выключатель и, бросив взгляд на распластанного на кухонном полу бездыханного Безродного, попросила у него прощения и простила сама.

Оказавшись на улице, она прошла три квартала пешком, потом вызвала такси до вокзала, купила на имя Казакевич в кассе билет на ближайший проходной поезд и встретила первое в новом году утро в купе, попивая чай в обществе приятной семейной пары средних лет и молодого грузина в спортивном костюме и лакированных штиблетах. Где-то на узловой станции посреди Урала она сошла, бросила в почтовый ящик коротенькое письмецо, что начертала в дороге, и уже, как Котова, купила новый проездной документ в ином направлении и была такова.

Одним студёным январским деньком Полина Ермолаевна намеревалась отобедать гороховым супом и макаронами по-флотски в столовой ткацкой фабрики, когда коллектив облетела весть об убийстве Безродного. Давя алюминиевой ложкой непослушные горошины на дне тарелки, Кузьева шепотком обменивалась мнениями с теми, кто был в курсе его некогда прибыльного бизнеса и сам в процессе живо участвовал. В ходе прений нахлынувшие воспоминания совсем испортили аппетит, но привитая бабушкой привычка не оставлять за собой объедков заставила прикончить и первое, и второе, и посмаковать компот.

Сразу после школы не хватавшая звезд с небес Полина устроилась ткачихой в бригаду Пилюгиной и, достигнув совершеннолетия, получила заманчивое предложение, от которого гордо отказалась, так как имела представления о приличиях и ожидала из армии парня. Но вот ведь незадача, очень уж её возжелал сам основатель нелегального промысла. Как-то под предлогом проведения совместного досуга подосланная алчной бригадиршей порочная Полина сверстница заманила порядочную девушку в загородный дом Аркадия Агафоновича. Там бедняжку сначала опоили, а потом вовлекли в оргию, о чём документально готовы были свидетельствовать произведённые хозяином дачи пикантные изображения. Пригрозив, что отправят снимки солдату Кузяеву, преступники выбили из протрезвевшей Поли согласие позировать в стиле ню и время от времени потакать маленьким капризам фотохудожника. При этом договор истек сразу же после возвращения Святослава Ильича со службы к месту постоянного проживания.

– Представляешь, Безродного завалили! – доложила Полина Ермолаевна Кузяеву по приходу с работы домой.

– А это кто? – ни один мускул не дрогнул на лице душителя.

– Твой бывший работодатель, между прочим. Вспомнил?

– Не-а, – покачал головой супруг, – пойду телек посмотреть.

– Ах ты чудо моё малахольное! Иди, конечно...

В этот момент в дверь позвонили.

– Кто там? – поинтересовалась Кузяева.

– Откройте, полиция! – скомандовали с лестничной клетки.

– Полина Ермолаевна, это капитан Наседкин, помните? Со мной – оперативная группа. Впустите, пожалуйста.

– А что случилось? – удивилась женщина. – Прошу.

– Ваш муж дома? – невежливо отозвался вопросом на вопрос кто-то из вошедших.

– В большой комнате телевизор смотрит... Слава...

Два амбала с автоматами метнулись в гостиную, скрутили сидевшего в кресле мужчину и защёлкнули на его запястьях наручники.

– Гражданин Кузяев, вы арестованы по подозрению в убийстве гражданина Безродного Аркадия Агафоновича...

– Что, что здесь происходит? – панический страх исказил миловидное личико ещё совсем молодой Полины Ермолаевны. – Славочка...

– Да заткнись ты, сука! Ненавижу!! Мразь!!! – закрипел зубами Святослав Ильич и перевёл взгляд на полицию. – Я во всём признаюсь. Только, прошу вас, уведите меня отсюда скорее.

Письмо, что отправила с дороги бывшая старший лейтенант Котова, было адресовано Лопушанской полиции. В нём некий аноним из чувства гражданской ответственности информировал об убийстве, совершённом в предновогоднюю ночь по конкретному адресу и предлагал проверить на предмет причастности к делу гражданина Кузяева С. И. Как только сигнал был получен компетентными органами, его немедленно отработали, обнаружили бесхозное тело с явными следами разложения, установили наблюдение за подозреваемым, выявили потенциальных сообщников и провели соответствующие экспертизы.

Суд приговорил Кузяева за убийство, Суворову за соучастие и сокрытие улик к различным срокам, Пудовой дали условно за недоносительство.

А Казакевич даже в голову никому не пришло разыскивать, благодаря чему два восьмидесятилетних пенсионера с насиженных Карельских скал перебрались в царство алтайских медоносов, где счастливо проживают и по сей день в уютном домике с дочерью Ольгой, председателем сельского общества трезвости и владелицей приюта для бездомных собак и кошек.

КОМАНДИРОВКА

Двадцать восьмое декабря должно было стать для Михаила Олеговича Рябова пусть и наполненным предновогодней суетой, но вполне себе милым днём в ожидании грядущей корпоративной попойки, последующих зимних каникул и солидного бонуса в течение месяца-двух по их завершению. План годовых продаж был с успехом перевыполнен аж в конце ноября, и с тех пор тридцатисемилетний коммерческий директор завода экспериментального оборудования мечтательно сидел на форумах отзывов владельцев премиальных внедорожников, подбирая замену выдавшему виды бюджетному седану.

От истового интернет-серфинга мужчину отвлек звонок по внутренней связи пышногрудой красотки Ольги Евгеньевны Райской, секретарши генерального:

– Вас по срочному делу просит зайти Борис Исаакович, – как всегда без приветствия и интригующе томно проговорила доверенное лицо руководителя и сей же миг положила трубку.

Михаил Олегович не любил экстренные вызовы «наверх». Глава и один из акционеров предприятия Борис Исаакович Зонд по прозвищу «Бизон» в свои пятьдесят с хвостиком был нахрапист, целеустремлён и никогда не давал трудящимся поживать на лаврах даже после серьёзных достижений. Особенно от его неуёмности страдала госпожа Райская, помимо неукоснительного исполнения многочисленных должностных обязанностей и несмотря на мужа и двоих сыновей-подростков вынужденная удовлетворять некоторые интимные просьбы директора.

– Мишель, друг мой, завтра ты летишь в Нефтеград, – безапелляционно огорошил начальник наёмного топ-менеджера, не успев последний войти.

– Завтра? Зачем?

– Тендер на клапаны перенесли на девять утра тридцатого. Вот только что звонили...

– Так это ж пятница! У нас – мероприятие! Мне речь поздравительную толкать!!! – взмолился подчинённый.

– Ну и что? Обойдётся без твоей речи. Тем более что она, бьюсь об заклад, слово в слово повторит прошлогоднюю, – цинично парировал Бизон. – Утром тридцать первого вернёшься. В чём проблема-то?

– Но проект – тьфу и растереть. Там всего-то... Последнее коммерческое предложение миллионов на двенадцать едва потянуло.

– Что значит «всего-то»? – удивленно поднял к просторным залысинам лохматые брови нахмурившийся директор. – Э-э как ты, братец, чужими деньгами распоряжаешься! Может тебя премии лишить? Там всего-то... Да знаешь ли ты, сколько времени, сил и бабок мне стоило, наконец, с ними договориться! Это первая сделка! Проведём, как надо, другие контракты и суммы пойдут!

– Безусловно, концерн «Нефтеград Петролеум Энд Газ» для нас необычайно важен, и если бы не вы, – попытался лестью сгладить ситуацию Рябов, – нам не видать их, как своих ушей. Но, учитывая, что стоимость проекта – не самая большая, мне думается, можно доверить его начальнику отдела продаж.

– Мне лучше знать, что кому поручить. Летишь ты, и без разговоров. Конкурс – очный. Комиссия будет вызывать три раза. Начнёшь с двенадцати пятьсот, потом упадёшь до двенадцати, а в третьем раунде дашь окончательную цену – одиннадцать восемьсот пятьдесят. Процедура согласована, люди – в курсе. Всё понял? Свободен!

Домой Рябов приехал мрачней тучи. Жене с порога сообщил об отъезде, крепко выругался и запросил ужин. Супруга изобразила расстройство, в утешение чмокнула мужа в щёчку и удалилась хлопотать на кухню.

Миша Рябов впервые сочетался законным браком восемнадцатилетним в уютном старорусском городке Затридевятземельске, где родился, окончил хорошистом десятилетку и выполнил норматив перворазрядника по лёгкой атлетике. Статью тела и правильностью черт лица он жуть как сильно нравился дочке капитана милиции, однокласснице Светке Гришиной, и та охотно отдалась товарищу по учёбе после выпускного на чердаке расположившейся по соседству со школой типовой многоэтажки. Потом они гуляли до конца лета в обнимку, пока девушка не осознала, что скоро станет матерью. Будущий папаша от радости чуть не установил мировой рекорд по бегу, но отец невесты снял его с дистанции на вокзале при посадке в проходящий поезд Клайпеда-Кутаиси и отконвоировал в ЗАГС.

Поселились молодожёны в опрятном теремке с резными наличниками и белёной печной трубой у её родителей. Те оказались людьми отходчивыми, не корили зятя за вдруг проявившуюся склонность к спонтанным путешествиям по железной дороге и помогали, чем могли. Так благодаря связям тестя Михаил отправился не в далёкую часть, а в спортивную роту, что квартировала в часе езды от дома. А уж когда народился Александр Михайлович, рядовому Рябову надлежало лишь дважды в день являться к месту несения службы на утреннюю и вечернюю проверки.

Обмыв демобилизацию, опять же не без протекции только что произведенного в майоры Светкиного бати, будущий коммерческий директор пополнил ряды российской милиции и заочно поступил в местный филиал областного юридического института, в котором экстерном защитил диплом о высшем образовании всего лишь каких-то два года спустя.

Когда в середине двухтысячных на очередном витке борьбы с оборотнями в погонах в собственном рабочем кабинете был взят с поличным при получении взятки начальник ОВД Затридевятземельска подполковник Гришин, наверху приняли решение о капитальной зачистке городского милицейского состава. Репрессии начались с ближнего круга подозреваемого и в первую очередь коснулись старшего лейтенанта Рябова. Его, не утруждаясь разбирательствами и лишними сантиментами, пинком под зад выпроводили из органов и даже на всякий случай под надуманным предлогом лишили выходного пособия.

Активно сотрудничавший со следствием тесть до суда не дожил и в полугодовой юбилей ареста испустил дух на склизком полу следственного изолятора в результате несчастного случая, трижды ударившись виском об угол нар.

Похоронив и оплакав мужа, тёща в отместку грешному миру впала в религиозный экстаз и записалась в секту свидетелей бога Зямы, чьи адепты пёрли из дома в дар жрецам последние пожитки в надежде узреть приход мессии перед тем, как окончательно погаснет светило. Так бы и вынесла всё подчистую, если бы не тяжеленный холодильник, ставший причиной летального защемления межпозвоночной грыжи.

У молодых тоже всё как-то расклеилось. Нерегулярные и откровенно скромные заработки частным извозом сильной половины не удовлетворяли половину слабую, первой выразившую сомнение в правильности своего подросткового выбора и решившуюся на адюльтер с удачно овдовевшим, бездетным, но материально прочно стоящим на ногах заведующим производством на местном хлебозаводе. Он был давешним приятелем её покойных родителей, а потому его частые появления у них в доме не вызывали у Михаила беспокойства. Но в один прекрасный день, отбомбив запланированную с утра на день сумму уже к обеду, Рябов застал гостя в теле законной супруги и, щедро наподдав прелюбодеям по щам, сей же миг решил развестись.

В ключья разорвав узы Гименея, новоиспеченный холостяк рванул в ближайший город-миллионник, где, арендуя комнату на окраине и пройдя через тернии собеседований, трудоустроился в отдел продаж промышленного предприятия, входившего в холдинг Бизона и его старших партнёров.

Не обделённый с рождения смекалкой, умением быстро обучаться и обретший понимание о дисциплине во время службы в органах, мужчина быстро утвердился и преуспел на новом месте. В результате сначала последовало назначение на должность старшего менеджера, а затем и руководителя целого направления. Ну а уж после крымской весны, западных санкций, ответных мер и провозглашения курса на замещение импорта акционеры холдинга, переоснастив один из своих многочисленных заводов, запустили производство оборудования для нефтегазовой отрасли. Именно на эту мануфактуру и был переведён Михаил Олегович, причём с повышением до директора всего коммерческого блока.

Не заставили себя ждать изменения и на личном фронте. Пережив два продолжительных романа, вступив минимум в три десятка беспорядочных половых связей и приобретя в собственность двухкомнатную квартиру в почти элитной новостройке недалеко от работы, бывший милиционер повёл под венец Наталью Николаевну Кузьмичёву, смазливую, длинноногую, вечно загорелую от солярия блондинку с четвёртым размером груди и вытатуированной на правой лодыжке игуаной. Имелась ещё лилия над самым интересным местом, но об этом знали только особо посвящённые. Избранница была на двенадцать лет моложе и трудилась инструктором в фитнес-клубе, куда по-прежнему спортивного вида Михаил как-то забрёл в поисках очередных необременительных отношений. Атлетичная наядя оказалась даже как инициативна и изобретательна в интимном процессе, так что Рябову хотелось повторения снова и снова. Он и не заметил, как втянулся. А когда в результате небезопасных половых экспериментов девушка понесла, элементарная мужская порядочность и всеобъемлющая притягательность избранницы логично привели к свадьбе, которую сыграли ровно за три месяца до описываемой командировки, буквально день в день.

Нефтеград был одним из тех северных поселений, кои никогда не появились бы на картах, если бы не геология. Ещё при царизме несколько членов Русского географического общества ходили с кирками в те места и чего-то там обнаружили. Потом большевики внимательно изучили архивы и отправили по следам первопроходцев крупные партии и экспедиции. Последние подошли к делу более чем основательно: развернули разведочное бурение, отбор керна и прочие мероприятия. Но тут Гитлер напал на СССР. Пришлось лет пятнадцать подождать, прежде чем на сибирских просторах взметнулись ввысь нефтяные фонтаны, а газовые факелы озарили небо до самого горизонта. В шестидесятые выросли здесь из вагончиков и времянки пионеров-нефтяников целые города. И одним из них стал тот, в суперсовременный, сверкающий неоновым гляncем аэропорт которого в пятнадцать сорок семь двадцать девятого декабря, чертыхаясь и проклиная упёртого Бизона, прилетел Рябов.

Провезя на крейсерской скорости через зону прилёта и зал встречающих компактный чемодан на колёсиках с ноутбуком, документами и минимумом необходимой для короткой поездки одежды, коммерсант согласно полученным накануне инструкциям быстро отыскал на парковке любезно предоставленный протокольным отделом принимающей организации тёмно-зелёный микроавтобус со своей фамилией под лобовым стеклом. Спасаясь от тридцатиградусного мороза, пощипывавшего ляжки сквозь тонкие брюки модного делового костюма, он резво откатил боковую дверь, закинул в проём багаж и вскочил в натопленный салон. Минут через двадцать плавной езды по качественному, но промёрзшему и скользкому, посыпанному песком лишь на перекрёстках и светофорах асфальту, Михаил Олегович стоял у стойки регистрации опустевшей к Новому году шикарной и несоразмерно дорогой для этих широт гостиницы в пяти минутах неспешной ходьбы от офиса градообразующего ОАО «Нефтеград Петролеум Энд Газ».

По местному времени, опережавшему московское на два часа, подкрался вечер. Закинув вещи в опрятный, средних размеров номер с двухспальной кроватью, халявным Wi-Fi и всеми гигиеническими удобствами, гость позвонил молодой жене сказать, что добрался и очень ску-

чает. За сим он двинул на лифте в цокольный этаж, чтобы поужинать в уютном ресторане, предлагавшем посетителям, если верить написанному в меню, широчайший ассортимент блюд европейской и русской кухонь.

Михаил выбрал двухместный столик в самом углу справа от входа, откуда было видно всё, как на ладони, и сделал заказ приятной, ухоженной, слегка полноватой официантке за сорок:

– Будьте добры, девушка, овощной салат, куриную лапшу, телячьи медальоны и бутылку минеральной воды без газа.

– Чего покрепче не желаете? – с лёгким разочарованием решила уточнить разносчица пицци. – Имеются виски, коньяк, водочка... Может, пиво предпочитаете? У нас есть местное, в розлив.

– Это завтра, как дела завершу. Спасибо.

Пока шинковали овощи, разогревали суп и жарили мясо, откусать явилась группа из трёх подвыпивших персон явно столичного поведения.

– Должно быть, конкуренты из Москвы подтянулись. Или питерцы? – гадал про себя Рябов.

Троица, громко осуждая недоразвитость провинции, плюхнулась на диванчики вокруг стола на противоположной стороне от барной стойки.

– Ну, точно, москвичи, – окончательно утвердился в своём мнении Михаил, глянув на часы. – Их рейс должен был сесть через полчаса после моего.

Минут через десять принесли заказ. Весь сразу. Сухо пожелав непьющему командировочному приятного аппетита, служительница общепита всю свою любезность направила на входившую в раж троицу из порта пяти морей, изволившую откусать литровку беленькой с обильной снедью.

Рябов быстро смолотил так себе обед, расплатился с самым минимумом чаевых и покинул заведение с чувством того превосходства над пирующей компанией, с которым опытный курортный катала садится на пляже играть в карты с очередным отдыхающим лохом:

– Ну-ну! – прочёл бы внимательный наблюдатель по его губам. – Хрен вам, а не контракт!!

Так, собственно и случилось. Всё прошло точь в точь, как рассказывал Борис Исаакович. Жаждавшее в похмельной коме холодного пива трио из Третьего Рима само отвалилось в первом же круге и радостно умчалось в аэропорт лечиться в ожидании вечернего рейса. Прибывшего ночным самолётом бизнесмена из Северной Пальмиры отсеяла во втором тендерная комиссия, нашедшая якобы в последний момент какие-то несоответствия условиям конкурса. Триумфатор же проторчал в офисе заказчика до позднего вечера: пока провели финальный раунд, с перерывами на чаепитие и перекуры уладили бюрократические формальности, произнесли дежурные поздравления и пожали на прощание руки, наступил седьмой час.

– Всё в ажуре, – доложил по телефону уже изрядно поддатому начальству Михаил Олегович, трусая по холоду в гостиницу. – Копии на «мыло» уже скинул, оригиналы привезу в офис после праздников. Спасибо, и вас. До свидания.

Тут неожиданно повалил снег. Ночное небо то и дело сбрасывало на головы редких пешеходов полчища колючих снежинок. Рябов поднял воротник дублёнки и припустил пуще прежнего.

– Блин, как бы не застрять здесь из-за нелётной погоды! – он уже вбегал в отель. – Добрый вечер. Четыреста двенадцатый.

– Пожалуйста. Да, мужчина, имейте ввиду, ресторан закрыт на специальное обслуживание. Поужинать можно в буфете на втором этаже.

Вечерняя трапеза из баночного пива и разогретых в микроволновке беляшей пригвоздила единственного постояльца гостевого дома к унитазу на целую ночь. Лишь перед самым выездом на аэродром подействовало, наконец, верное закрепляющее средство, и измождённую ответственную группу мышц можно было более не напрягать. Дополнительным поводом для

радости стало то, что вчерашнее ненастье разогнал в ночи ветерок, прояснилось и опасаться задержки рейса из-за метеоусловий не приходилось.

Михаил по-быстрому принял душ, оделся, покидал в чемодан пожитки. Минут пять он терпеливо ожидал на этаже лифт, пока проходившая мимо горничная не сообщила, что тот только что сломался, за монтером послали, но будет он не ранее чем через час. Уставший от ночных бдений, мужчина лишь скорчил недовольную гримасу и покорно побрёл вниз по лестнице.

В безлюдном холле администратора и след простыл. Минут десять её искал по радиации охранник, а когда нашёл, та ещё шлялась где-то примерно столько же.

– Надо бы шофёра предупредить,.. – только и успел подумать Рябов, протягивая для оплаты кредитку появившейся на посту долгожданной ответственной служащей, как увидел сквозь стеклянную дверь отъезжающим тот самый микроавтобус, что встречал его накануне.

Он хотел было кинуться вдогонку, но, решив, что ему это как-то не под стать, передумал и вежливо, как только можно в данных обстоятельствах, попросил ненавистную сотрудницу вызвать такси.

– Мини-баром пользовались? – вопросительно буркнула та в ответ и протянула визитку местного таксопарка.

– Мадам, вообще-то я только что по вашей милости остался без машины. А у меня самолёт через два часа.

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Это для вашего же блага. Пока я вас рассчитываю, в целях экономии вашего же времени могли бы и позвонить.

– А не логичней ли будет, если позвоните вы сами, и пока такси сюда едет, вы закончите с выпиской? Нет???

– А что вы мне хамите? – резко перешла в нападение тётка и привела, как ей казалось, убийственный аргумент. – Я тут, между прочим, замдиректора. Может мне перед вами ещё двери открывать?!

Изумлению Михаила не было предела. Он набрал в лёгкие необходимый для длинной, испепеляющей тирады объем воздуха, но тут от волнения предательски заурчало в воспалённом желудке и, давая коварные позы, он стал выстукивать на клавишах смартфона комбинацию необходимых цифр для соединения с таксопарком.

Авто пришлось прождать добрых минут двадцать пять. Тридцать первого декабря, да в субботу никто особенно работой не горел, давно мысленно поедая оливье, сельдь под шубой, мандарины и запивая весь этот гастрономический ад шампанским и чем покрепче.

Водила, как назло, попался пожилой и правильный: ехал строго по знакам, пропускал пешеходов на переходах и вне оных, на самых дальних подступах к светофорам втыкал нейтральную и неспешно так подкатывался в ожидании зелёного. А ещё, гадёныш, всегда норовил встать в ряд, где больше машин, и на все просьбы клиента ускориться посмеивался в белёсые усищи и оптимистично повторял: «Торопиться не надо!»

До вылета оставался час, когда Рябов подбежал к зданию аэропорта. Народу было столько, что яблоку негде упасть. Забывшие о вежливости и приличиях, поспешавшие к новогодним застольям сограждане бросались к рамкам металлоискателей на входе, как Матросов на амбразуру.

Просочившись, наконец, внутрь, Михаил, как назло, обнаружил, что самая многолюдная очередь вилась к нужной ему стойке регистрации. Тут ещё опять в пузе закрутило...

– Уважаемый, вашего имени в списке пассажиров нет! – громовым басом грянул одетый в тесный, норовивший разойтись по швам китель дородный представитель авиаперевозчика, вертя в руках паспорт Рябова.

– Как нет? Не может быть?! Я этим же самолётом сюда прилетел позавчера. Вот распечатка электронного билета, – извлёк из бокового кармашка чемодана сложенный вчетверо листок ошарашенный пассажир.

– Да так: нет. Сюда – вы в базе есть. Обрато – нет.

– Но этого не может быть! Вот подтверждение!

За спиной начали раздаваться пока довольно робкие и миролюбивые пожелания не задерживать остальных и отвалить пододру-поздорову.

– Бред какой-то? – незадачливый путешественник отошёл в сторону, шаря в кармане в поисках телефона. На его место сразу вклинился какой-то юркий дедок.

Дозвониться до кого-нибудь из коллег не удалось: либо не брали трубку, либо были вне зоны действия сети. Пришлось побеспокоить Бизона на домашний:

– Борис Исаакович, тут такая проблема... – Михаил кратко обрисовал ситуацию. – Кто мне билеты заказывал?

– Кто конкретно, не знаю. Но распорядилась моя секретарша. Ты их как получил?

– По «электронке». От Райской.

– Значит, точно она. Ух, я ей вставлю по первое число! Будь уверен! Правда, её сейчас вряд ли сыщешь: сегодня ночью она с семейством в Эмираты укатила. Ты извини, дружище, за недоразумение. Возьми билет на следующий рейс. Все расходы компенсирую. Плюс с меня лично – магарыч! Давай, жму руку...

– Вставит он ей! Кто бы сомневался!! Козёл!!! – дождавшись гудков, дал выход праведному гневу Рябов и побрёл в дальнее крыло аэровокзала к авиакассам.

Билеты на первое число в нужном направлении, слава богу, были. Коммерческий директор, получив на руки заветный купон, трижды попросил кассиршу перепроверить, занесли ли его в базу данных. Та терпеливо, каждый раз всё энергичнее кивая головой, подтвердила и выставила табличку «Перерыв десять минут».

Вопрос с ночлегом тоже решился на удивление гладко: сразу за кассами был стенд аэропортовской гостиницы. Губастая, но, в целом, приятная молодка, заполнив пространство радостным щебетанием, доходчиво и со знанием дела рассказала об удобствах и услугах местного отеля, продемонстрировала зазывные картинки с интерьерами и предложила на месте оформить и оплатить любой понравившейся номер. Останется только забрать ключ на рецепции. Выбор Михаила Олеговича пал на люкс последнего, пятого этажа с «незабываемым», как обещал рекламный буклет, видом на лётное поле.

– Скажу – другого не было, пусть раскошеляются, раз загнали меня в эту дыру на Новый год! – бравадно решил он и тут же расстроился, что пару минут назад затупил и не вспомнил про бизнес-класс, а привычно довольствовался экономом.

Двухкомнатное, состоявшее из спальни и гостиной, пристанище, хоть и высшей категории, выглядело не ахти. Мебель была чуть ли ни с советских времён. Сантехника – немногим свежее. Правда, всё сияло непревзойдённой чистотой и функционировало без сбоев. К тому же обстановку норовили скрасить мини-бар с обилием разноградусных пузырьков и триста спутниковых каналов за жидкокристаллическим экраном большого, в полстены телевизора.

Философски пеняя на превратности судьбы, командировочный подошёл к окну. Кусочек лётного поля и впрямь был виден, но небольшой и с краю, у леса. Саму взлётно-посадочную полосу скрывало здание аэропорта.

Допотопные настольные электронные часы на прикроватной тумбе высветили девять двадцать пять.

– Блин, ещё утро, а событий и переживаний столько, что на несколько дней хватит! – посетовал Михаил. – Сейчас мой рейс на взлёт пойдёт...

В этот момент из-за крыши воздушной гавани медленно выплыл, вздымая нос кверху, красавец-лайнер. Студёные лучи полярного солнца озарили бортовую эмблему авиакомпании,

уносившей две сотни разнополых лиц от мала до велика навстречу самому лучшему в году празднику в ставший Рябову родным город, где ждал уже заметно округлившийся животик прелестной супруги.

Тут воздушное судно будто зависло на несколько секунд, потом неловко завалилось на правый борт и со всего маху обрушилось на землю именно на тот участок лётного поля, что из окна своего номера имел возможность созерцать коммерческий директор. Бах, и огненная вспышка вперемешку с чёрным дымом заслонили небесную синеву.

Из оцепенения вывели сирены пожарных машин, вой скорых и полифоническая мелодия мобильного телефона.

– Мишутка, котик, ты вылетел? Нет? Чего не звонишь? Когда будешь? – зачирикала трубка.

– Наташка, капец, тут такое...

Слушая сбивчивый, полный всхлипываний и поминаний господу рассказ мужа, женщина периодически переспрашивала, не пьян ли он, не в бреду ли, но, увидев по телевизору бегущую строку с пометкой «СРОЧНО!» о ЧП в аэропорту Нефтеграда и ожидаемых в ближайшее время подробностях, наконец, поверила и запричитала:

– Ой, как представляю, что ты мог быть на том самолёте...

– Пока, девочка моя, – дабы прервать стенания супруги и не разреветься самому, резко попрощался мужчина. – Наберу, как и что... Целую.

– Наташ, аэропорт закрыли, – делился с женой последними новостями с места событий взбодрившийся Рябов. – Как закрыли? Да наглушняк! Говорят, обломки надо сначала разобрать, тела, останки, понимаешь? Следственные действия произвести... Людей, конечно, охренеть, как жалко! Видела б ты родных тех, кто местный был. Но как домой возвращаться – ума не приложу!

– Может поездом, Миш?

– Ага, трое суток? Да и билетов сейчас не сыскать. Я уж узнавал. На железке – аншлаг!

– Лучше там сидеть? Сколько?? Долго???

– Ой, не знаю. Есть варианты через ближайшие города. Сейчас изучаю. В любом случае, до завтрашнего утра я здесь, а там посмотрим. Может, откроют. Родственники иногородних сюда ведь как-то должны прилететь?.. Да, чуть не забыл: с наступающим тебя Новым годом! Позвоню с курантами сначала по местному, потом по нашему. Целую тебя нежно и люблю!

– И я тебя! С наступающим!! Береги себя!!!

Все запасы спиртного в аэропорту и окрестностях, включая приютивший Михаила Олеговича отель, были истреблены ожидающими вылета пассажирами, членами семей жертв и просто сочувствующими. Не пренебрёг алкогольной терапией и наш герой: опустошив мини-бар, он вызвал такси и засобирался в город, где намеревался осесть в одном из ресторанов на всю ночь.

– Домчу с ветерком! – обнадёжил шофёр усаживающегося на переднее сиденье мужчину с характерным амбре.

– А-а! Это опять вы? – насупился Рябов. – Беспечный ездок...

– Извольте иронизировать? – водитель тоже признал утреннего клиента-торопыгу.

– Кабак хороший знаешь? – проигнорировал вопрос пассажир.

– Ну, есть один. Нормальный такой. Дорогой только.

– Да мне параллельно! Фирма платит. Трогай.

Пока не добрались до места, не проронили ни слова.

– Держи, дружище! – рассчитываясь, командировочный протянул таксисту три тысячных купюры. – Сдачи не надо. Купишь внукам чего-нибудь.

– Денег не возьму, – покачал головой таксист. – Считаю – подарок мой тебе на Новый год, компенсация за нервы. Да и внуков у меня нет.

– Да? Спасибо. Тогда, может, присоединишься? Не в одно ж рыло бухать! Праздник всё-таки!!!

– Честно? С удовольствием!

Интерьер ресторана «Мельпомена», куда в десятом часу вечера, словно закадычные приятели, вошли коммерческий директор и его новый приятель, поражал безвкусным сочетанием разнообразных стилей и мебели. Глиняные купидоны, античные вазоны и готические арки соседствовали с классическими кожаными диванами, стульями хай-тек и брутальным камином из какого-нибудь альпийского шале зажиточного австрияка. Такой же была и присутствующая в зале публика: аляповатая и разношёрстная.

Свободными оставались два жалких столика. Один – под стереофонической колонкой у самой эстрады, на которой под аккомпанемент фонограммы озорничали килограмм девяносто пять преклонного возраста, облачённые в безразмерный бархатный чехол цвета испепеляющей страсти и фиолетовый парик с розовым бантом на темечке. Второй – слева от прохода, ведущего в зону вождённой релаксации – к буквам «М» и «Ж».

– По мне, так лучше говно нюхать, чем оглохнуть от воплей этой нафталиновой бестии, – ненавязчиво поделился мнением Рябов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.